

ПЛАТОН БЕСЕДИН

МЕЧТА КАК ВЫХОД ИЗ МАТРИЦЫ

Конец миллениума был забит, как бочка апельсинами, бесконечными страшилками об апокалипсисе. Соответствующие фильмы выходили один за другим, пророка то один, то другой трагический сценарий, создавая пространство вариантов того, как всех накроет, поглотит смерть. Конец неизбежен, да – в том нас убеждают. Осталось выяснить, как нам суждено умереть. Эсхатология прорастает пышными цветами зла.

Именно в такое время люди посмотрели на кассетах и dvd (миллион проданных копий!) фильм “Матрица”, от которого внутри пробудился и неуютно заворочался червь сомнения: а что, если этот мирок, натянутый на глаза, действительно, нужен исключительно для сокрытия правды? Принюхиваешься, прислушиваешься, всматриваешься – ищешь ответ. Возможно, даже протягиваешь руку, внутренне опасаясь, что реальность вокруг окажется на ощупь точно резина, меняющая от прикосновений форму.

Кино 1999 года “Матрица” создавало именно такой эффект. С Киану Ривзом в главной роли и авторством братьев Вачовски (позже они станут сёстрами). Эффект сильнейший по своему воздействию на массы. Притом, что идея Вачовски не была эксклюзивной, нет. В разных видах она уже мелькала в искусстве. Однако тогда, под конец тысячелетия, видимо, многое совпало – пазл апокалипсиса сложился, и месседж о цифровом рабстве обосновался в умах. Вот только панацеей, спасением он не стал. Цифровое рабство наступило, и надо заметить – без особого сопротивления.

Потому, когда в конце 2021 года на экраны, спустя почти 20 лет после первой, вышла четвёртая часть “Матрицы” (с подзаголовком “Воскрешение”), откровения ожидаемо не случилось. Мир остался глух к “месседжу” одной из сестёр Вачовски. Зритель, лениво зевнув (чем ты меня тут удивишь, а?), похрустел попкорном и запил его колой. Молодые не поняли: о чём это всё? А те, кто постарше, кто когда-то пытался проснуться вместе с Нео, посетовали, что раньше кино делали лучше.

Спящие не захотели пробудиться. Матрица победила, подчинив всех. Впрочем, ещё во второй части нам сказали, что появление Избранного и революция, им возглавленная, тоже являлись частью программы. Каждое движение, каждая мысль оказались предусмотрены, а потому бунт уничтожался в зародыше. С молчаливого согласия адептов и рабов Матрицы, с их покорного потребления фантомов и симулякров. Уже в первой части предатель Сайфер, сдавший своих агенту Смиту, заявляет, что неведение – лучшая вещь на

свете. Оттого прелестнее жить в симуляции, а не в реальности. Собственно, миллионы именно так и поступили.

Олдос Хаксли блестяще сформулировал этот подчиняющий механизм в предисловии к своему роману-антиутопии “О дивный новый мир”: *“Тоталитарное государство, заслуживающее названия действительно “эффективного”, – это такая система, где всемогущий исполнительный комитет политических руководителей, опираясь на целую армию администраторов, держит в руках порабощённое население, которое излишне даже принуждать к труду, ибо оно с радостью приемлет своё рабство. Заставить людей полюбить рабское положение – вот главная задача, возлагаемая в нынешних тоталитарных государствах...”*

И рабы, действительно, полюбили своё рабство, не готовые отказываться от привычного образа жизни ради сомнительной свободы. Да и, в конце концов, что значит эта свобода? Как она выглядит? Пахнет ли Росо Rabanne? Имеет ли приятный, с нотками ванили, насыщенный вкус? Любая встреча, любое неудобство ведёт к перегрузке системы, тут же стремящейся устранить ошибку. И в этом ей помогут рабы, добровольно перевоплощающиеся в агентов Смитов. Ключевое слово здесь – “добровольно”. В фильме Вачовски, напомним, агенты вселялись в любого гражданина, подключённого к Матрице, без его согласия. Реальность же, если она всё-таки реальность, оказалась страшнее вымысла.

В другой антиутопии “Дисциплинарный санаторий” Эдуард Лимонов, отрицая модель оруэлловской антиутопии “1984”, пишет, что людей постараятся превратить в усмирённых домашних животных в эпохе не мужского, но подросткового мировоззрения. В “Дивном новом мире” такие “усмирённые” потребляли нечто вроде наркотического вещества – сомы (“сомы грамм – и нету драм”). В реальном мире его роль выполняет пища (или “жратва”) – как фактическая, так и духовная. Ирония в том, что отличия между ними, по сути, нет, и толпа, требуя хлеба и зрелищ, готовая к усмирению, на самом деле, требует одного и того же – симуляции и обмана. Она создаёт мир как гигантскую инсталляцию (ещё одно ключевое понятие Матрицы). Ценности здесь не просто подменены – они аннулированы, исключены, а оставлены лишь цены.

К примеру, нам презентуют вегетарианский бургер со вкусом человеческого мяса – и тот выигрывает “Каннского льва” за креатив в рекламе. Есть за что: ведь бургер этот становится своего рода символом мира потребления, вошедшего в конечную стадию – пожирания самого себя. Дэвид Кроненберг показал это в книге “Consumed”, но первым и лучшим был Брет Истон Эллис, написавший “Американского психопата” ещё в 1991-м. Там сытые, хорошо одетые люди пожирали друг друга в искусственном мире быстрых ценностей, быстрой морали, быстрой любви, в мире, где фастфуд стал и образом мышления, и образом действия тоже. Такую реальность, сочащуюся отчаянием, нам предложили “цивилизованные господа”, превратившие планету в фабрику по переработке человеческого мяса.

То же касается и религии, превращённой в нечто среднее между арт-инсталляцией и тренингами личностного роста. “У нас были фильмы, книги, искусство. У нас была оригинальность мысли! А не это вот всё...” – кричит в четвёртой “Матрице” опустившийся Меровинген. И это цифровой глас вопиющего в пустыне – в пустыне тотального и тоталитарного комфорта, исключающего любую свободу мышления и, главное, любую ответственность. В таком мире не нужны атавизмы вроде разговоров о грехе, отравляющем душу. Да и душа, в общем-то, тоже не слишком необходима. Для современного человека, пропитанного упрощённой восточной “мудростью”, англосаксонским протестантизмом крайнего толка и тренингами личностного роста, разговоры о Боге, грехе и покаянии – слишком абстрактны. И тогда он, этот человек, ошалевший от стремительности прогресса (к слову, бесполезного с точки зрения совершенствования мира внутреннего), сговорившись с другими такими же, заменяет Бога проекцией, изображением, а Святой Дух – Цифрой. Делает это для обеспечения ещё большего комфорта.

Опять же не случайно в новой “Матрице” Нео работает в корпорации “Бог – машина”. Это замена божественного механическим, когда интеллектуальная пища превратилась в комиксы для “инфантилов”, сведённые сугубо к цепочке “стимул-реакции” и “виральности”. И люди, управляемые и усмирённые,

оказываются готовы избавиться от всего, что способно помешать их “свободе” — от Родины, миссии, самоидентификации.

Разве не это мы наблюдали во время самоубийства СССР, когда миллионы отреклись от мечты, государства и, в конечном счёте, от самих себя? Отказались ради чего? Ради свободы? Когда мечту продавали, чавкая “баблгумом” и запивая трагедию спиртом “Рояль”, перемешанным с “инвайтом”. Да, тогда многие получили свободу — свободу умирать. И логичным, показательным итогом того путешествия на край ночи, того похода за новыми ценностями стала легендарная очередь в первый “Макдональдс”. Символ того, как “жратва” погребла под собой идеалы. Как великие устремления сменились банальными целями. Как фастфуд стал образом мышления и образом действия тоже.

Но трагедия-то заключалась в том, что жажду и голод определённых ценностных вещей невозможно было утолить бургерами и колой. А свободу корректировали люди извне. К слову, ещё одним символом этого рабского преклонения стало участие Михаила Горбачёва в рекламе пиццы в 1997 году. Человек, когда-то стоявший у руля огромной страны, в новых реалиях за миллион долларов рекламировал пиццу. И та подавалась как главное достижение новой, якобы независимой страны, живущей согласно западным демократическим ценностям и столь стремительно вымирающей (где-то тут крылась связь, не правда ли?).

Это, собственно, ни в коем случае не апология Советского Союза или советского образа жизни, нет — лишь констатация того, как устроена Матрица, апеллирующая к первобытным инстинктам, погружающая людей в состояние комфортной дремоты, в состояние сна наяву, вырваться из которого нет ни сил, ни желания. Об этом, кстати, снят ещё один фильм, вышедший примерно в одно время с последней “Матрицей” — “Не смотрите вверх” с Леонардо Ди Каприо в главной роли. Там блестяще показано, как хайп и комфорт становятся двумя главными божествами для современного человека, и он не готов отказаться ни от одной из своих “милых привычек” даже под угрозой исчезновения. Для чего бороться за жизнь, если нельзя чавкать попкорном в кинотеатре? Для чего ценить независимость, если блокируют You Tube и Tik Tok? Чего вообще стоит жизнь, если в ней не будет Wi-Fi, дивана и службы доставки? Всех этих prettythings, которые поглаживают разбухшее эго.

То состояние, в котором пребывает сегодня “цивилизованное человечество”, есть не что иное, как сон. И он нарушается, но не прерывается (это важно отметить) лишь тогда, когда спящий остаётся без привычных транзакций. Например, когда у него отбирают мебель IKEA — этот символ стандартизированного глобалистского мира. К слову, в фильме “Бойцовский клуб” 1999 года главный герой заявляет: “Как и многие другие, я стал рабом пристрастия к мебели IKEA”. Он же, страдая бессонницей, постоянно как бы спит наяву, неспособный понять ценность чего-либо и кого-либо вокруг. Только утратив всё, герой обретает свободу.

Пребывание во сне — это и есть существование в Матрице. И тут не стоит забывать, что английское слово “dream” переводится и как “сон”, и как “мечта”. Правильное значение даёт нам лишь контекст использования. Сам язык подсказывает ответ на вопрос, как функционирует и как торжествует Матрица. Пресловутая American dream формирует её, распространяя не только американский образ жизни в его упрощённой форме, но и американское мышление, его обывательскую, но не интеллектуальную сторону. Распространяемая подобным образом культура (в высшем смысле культурой, безусловно, не являющаяся) не имеет ничего общего с ценностными категориями — она лишь научает тому, как жить червяком, посаженным на крючок потребления. При этом в современных реалиях сказка о Новом Свете, манящей стране Эльдорадо, где каждый может отыскать сокровище, естественным образом трансформируется: ведь Нового Света априори достигнут не все, а следовательно, единственный путь — создать его на своей территории, интегрировав туда соответствующие атрибуты. Какие? О, это услужливо подскажут остальным волки с Уолл-стрит.

А далее происходит ситуация, блестяще описанная Александром Зиновьевым: “Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза возмарились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что это уподобление не может стать превращением их в часть Запада

или в западные страны по двум причинам. Первая причина – навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. п.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Во всяком случае, у России не больше шансов стать Западом, чем у мухи стать слонем на том основании, что у неё есть хобот. Вторая причина – место и роль Запада уже заняты, и самое большое, на что уподобляющиеся Западу народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причём на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад”.

И это история вовсе не о плохом Западе, не о страшной Америке, торгующей симулякрами Нового Света как единственного возможно рая – нет, это сказание о нас, бездумно заимствовавших то, что, как минимум, должно было быть подвергнуто критическому анализу. Тупик мира, инспирированного American dream, мы увидели в 2008 году (за год до этого была знаменитая Мюнхенская речь Владимира Путина). Но коллективный Запад быстро перестроился и породил Индустрию 4.0 с её массовой роботизацией, искусственным интеллектом, интернетом вещей и синтетическими продуктами. Началось строительство такой Вавилонской башни, в которой глобальный сисадмин сможет без сопротивления проникать в чужие экономики и контролировать их извне, параллельно следя за индивидами через геолокации и банковские карты. В этой матрице человеку нет места, но и внутри человека, ею созданного, места для живого тоже нет. Поэтому мы справедливо постарались выбраться из неё. Но насколько удачно?

Да, уже довольно долго мы слушаем о том, как Россия поднялась с колен, отчасти это соответствует истине. Однако поработённой остаётся самая незаметная и вместе с тем, вероятно, самая главная сфера нашей жизни. Как быть с духовной и интеллектуальной несвободой, которая по-прежнему властвует в России? Что происходит у нас в сфере идей и смыслов? Разве российская культура и особенно массовая культура не есть сугубо вторичный, заимствованный продукт, созданный по чужим лекалам? Разве в области мысли мы не топчемся там, где всё уже и так до нас вытоптано? А меж тем Матрица утверждается во многом именно здесь и именно так, срабатывая раньше самого намерения изменить рабское положение – ловушка, выбраться из которой если и можно, то исключительно колоссальным усилием воли, мобилизацией всех внутренних сил.

Казалось бы, именно таким рывком стали события, начавшиеся 24 февраля 2022 года. Символ Z в данном контексте выбран отнюдь не случайно: это последняя буква латинского алфавита – ведь и правда, прежняя история кончилась (к слову, совсем не так, как предсказывал фигляр Фукуяма) и началась, с подачи России, история новая. Поколение Z, воспринимавшее мир как постмодернистскую игру (не случайно в новой “Матрице” Нео работал разработчиком компьютерных игр), оказалось у пропасти и частично в неё рухнуло, а остальные вынуждены были очнуться. Во всяком случае, так кажется на первый взгляд.

Но куда теперь направлены наши усилия и устремления? С кем ведётся борьба? Они, главным образом, ориентированы вовне. Мы ищем врага там, в том числе, проводя спецоперацию (не против Украины даже, ясное дело). И, с одной стороны, это логично: ведь с Матрицей невозможно договориться – она пожирает всё живое, следовательно, с ней можно только биться. Однако нельзя забывать, что пробуждение Нео начинается не с внешних, а с внутренних трансформаций. В принципе бессмысленно уничтожить Матрицу только лишь вовне, если она давно уже существует внутри нас самих, запрограммировав едва ли не все сферы нашей жизни (того, что мы называем ею) – от образования и культуры до различных форм коммуникации. Агенты Смиты давно уже проникли в нас, а многие граждане сами добровольно стали ими. Нео был невозможен не потому, что на его роль не отыскалось достойных кандидатов, а потому, что оставалось противоестественным само его появление в мире добровольного рабства.

Так кончилось ли оно? Или по-прежнему продолжается? Сколько людей сегодня реально готовы отказаться от симулякров Матрицы? Кто со всей непримиримой решимостью намерен выйти из неё, переместившись в свою

реальность, которая вряд ли в ближайшее время будет сочтаться комфортом? Вот какие вопросы необходимо ставить сегодня — ключевые вопросы, от которых нужно отталкиваться для рывка в новую реальность.

А для этого необходимо обращаться в самую глубь своего сознания, личного и национального, помня, что dream — и сон, и мечта одновременно, а чем оборачивается такая двойственность, блестяще показал Дэвид Линч в “Твин Пиксе”. Это и есть обратная сторона Америки, которая при определенных условиях может стать единственно возможной стороной. Беда в том, что под Америкой здесь надо понимать всё так называемое “цивилизованное пространство”, нашпигованное и пропитанное American dream, которая в своём экспортном варианте (подчёркиваю слово “экспортном”) несёт главным образом порабощение.

И чтобы избавиться от этого яда, нам крайне важно выработать своё видение, свою идею, а ещё лучше — Мечту. Мы можем назвать её Русской мечтой, если угодно, но в любом случае это должна быть та побудительная, созидательная сила, что окажется способной изменить Россию, вытянув её из лихорадочного сна. Говоря совсем просто, спецоперация должна идти не только вне, но и внутри самой России, — прежде всего, в духовной, смысловой и метакультурной сферах. Избавление от Матрицы есть абсолютное очищение от лжи, а для этого мы должны быть честны сами с собою, утверждая правду, понимаемую в русской традиции как истина и как справедливость. Только так можно ответить на новые вызовы, чтобы вслед за мечтой двигаться в мир без Матрицы.